

УДК 316.3:1

Глокальность как всеобщая форма отражения современной реальности

Е. Н. Старцев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
e-mail: oestarc@mail.ru

Глокальный, глокальность, глокализация – понятия, редко встречающиеся в русском языке. В статье рассматриваются глокальность как всеобщая форма отражения современной реальности и диалектическая связка понятий «глобальное» и «локальное».

Ключевые слова: глобальное, глокальное, локальное, глобализация, глокализация, локализация, культура, цивилизация.

Явление глобализации, с одной стороны, и локализации, с другой, в наше время получило определение *глокальности*, глокализации. Глокальность как категория социальной философии, в конечном счете, являет собой диалектику глобального и локального.

В настоящий момент термины «глокальность», «глокализация», «глокальный» имеют свои определения и активно используются для описания и анализа соответствующих явлений, протекающих в жизни общества. Некоторые события в жизни современного социума можно объяснить только при помощи понятия «глокальность». В научно-исследовательских кругах понятие «глокальность» приобретает устойчивое положение научного термина.

Само слово «глокальный» амбивалентно по своему составу, оно сочетает значения антонимов «глобальный» и «локальный». Это редкий пример слова-оксюморона.

Понятие «глокальный» пришло в международный обиход из японского языка и употреблялось сначала в области бизнеса, маркетинга. Принцип «дочакука» традиционно применялся японцами в сельском хозяйстве. Затем он стал обозначать новую и весьма успешную стратегию японского бизнеса – «глобальную локализацию», т. е. приспособление глобальных целей и перспектив деловой активности к местным условиям. Этот принцип, в стяжке «глокализация», перешел в практику мирового бизнеса, а слово, соответственно, в другие языки мира [см. 7].

«Глобальное» и «локальное» – фундаментальные проявления современной реальности. Глобализация, по определению Р. Робертсона, имманентный «диалектический» процесс, определяемый серией эмпирически фиксируемых изменений, разнородных, но объединенных логикой превращения мира в

«единое место» [4, с. 162]. Единство мира предполагает тот факт, что условия и характер социальных взаимодействий в любой точке мира одни и те же, события в весьма удаленных точках мира могут быть условиями или даже элементами одного процесса социального взаимодействия. Мир становится единым, лишенным существенных барьеров и дробления на специфические зоны социальным пространством. Р. Робертсон выявляет два аспекта в процессах глобализации: глобальная институционализация жизненного мира и локализация глобальности. Глобальная институционализация жизненного мира толкуется как организация повседневных локальных взаимодействий и социализации непосредственным воздействием макроструктур мирового порядка (системы взаимозависимости обществ, существующих в рамках национальных государств). Второй аспект в схеме социолога – локализация глобальности – отражает тенденцию осуществления глобального через локальное. В данном случае «глобальное» есть не только «интернациональное», но и «локальное» в той степени, в какой последнее глобализировано. Термин «глокализация» призван подчеркнуть двуаспектность процесса глобализации, соотношенность и взаимопроникновение глобального и локального [4, с. 162–163]. Данное понятие используется в специальной литературе для описания реструктурирующегося пространства постсовременности, в котором глобальное и локальное в своей универсальности и комплиментарности образуют принципиально новую шкалу актуальности, полностью вытесняющую логику модернизационного сравнения. «И, в этом смысле, знаковым процессом сегодняшнего поворота во всемирной истории можно считать глокальную реорганизацию социального пространства, которая, в качестве референциальной метарамки, подменяет собой все утраченные гранднарративы модернистского времени» – подчеркивает А. Ю. Согомонов [6, с. 6].

Точка зрения Р. Робертсона и теория глокальных культур получили развитие в работах А. Аппадурай, который теоретически обосновывает относительную автономию, самостоятельность и внутреннюю логику глокальной культурной экономики. Как показывает А. Аппадурай, возникающие глокальные культуры существуют вне определенного контекста, ибо представляют собой «смесь несовместимых компонентов, заимствованных отовсюду и ниоткуда, свалившихся с полной конфликтов современной (постмодернистской) колесницы глобальной коммуникационной системы». Это означает то, что воображение обретает все большую власть над повседневной жизнью людей. Средства массовой информации поставляют виртуальные картинки, создавая впечатление той же виртуальной близости к мнимым представлениям о «возможной» жизни. «Эта новая власть глобальной индустрии означает, что локальные формы жизни взрываются и заполняются “образцами”, фабрикуемыми где-то там, далеко за пределами конкретного социального и пространственного существования» [2, с. 98–101].

«Глобально», если перевести это слово на нормальный язык, означает «во многих местах одновременно», т. е. транслокально» [2, с. 87].

Глокализация исходит из представления того, что современный мир, его кризисы и прорывы возможно понять с помощью проникновения в смысл

событий, которые описываются с помощью ключевых слов: культурная политика, культурный капитал, культурные различия, культурная гомогенность, этническая, расовая и половая принадлежность [2, с. 92]. Страны, регионы, города, организации и отдельные индивиды разнятся по глобальному критерию, «отныне отличаются друг от друга не историко-хронологической “развитостью” или “отсталостью” по воображаемой модернизационной шкале, а своими неповторимыми рисунками того, как в них переплетаются включенность в глобальные потоки и следование местным культурным традициям, социальным устоям» [6, с. 67].

«Культурная глобализация перечеркивает отождествление национально-государства с национально-государственным обществом, производя и сталкивая друг с другом транскультурные формы коммуникации и жизни, представления об ответственности и этнической принадлежности, о том, какими видят себя и других отдельные группы и индивиды» [2, с. 89]. Следовательно, глобальная культура как диалектический процесс по образцу «глокализации» воспринимает и расшифровывает противоречивые элементы в их единстве, что может быть «представлено в виде формулы “гомогенная структура + гетерогенная культура”» [4, с. 163]. «Сегодняшние солидарности все реже выстраиваются в режиме хронологического движения (“достигнуть”, “развить”, “догнать”, “не опоздать” и т. п.), и все чаще – в пространственном аспекте вневременного взаимодействия культур (“просто жить”» [6, с. 66]. «Равно как в постсовременном этическом дискурсе модернистский нравственный диалог-катехизис Учителя и Ученика сменяется полилогом Ищущих, так и в нравственном опыте Другого трансцендентальность alter ego (другой из двух “Я”) множится пространственной опосредованностью alius ego (другой из множества “Я»)» [6, с. 75].

В глобальной бинарности социального мира формируются принципиально новые жизненные стратегии и культурные практики. Глобальное и локальное – два измерения жизненного пространства, где одно совершенно невозможно и бессмысленно без другого. Проблема глобального и локального неизбежно отсылает к диалектике «своего» и «чужого», к утрате и поиску идентичности. Современный культурный рынок создает некий искусственный глобальный контекст, в котором живут локальные культуры – многообразие в унифицированном пространстве. Глобальное пространство заполняется различными идентичностями, где идентичное, локальное подчиняется редукции и формализации.

К негативным последствиям глобализации относится нейтрализация, а иногда и полное уничтожение контекстов. Культурный рынок также требует конвертации образов, что плохо соотносится с природой духовных ценностей. Главный конфликт сегодня лежит в пространстве противопоставления универсального фундаментальному, что является важной чертой постмодерна. «Дело в том, что любая “локальная цивилизация” переживает ее носителями как целостный космос, как самоочевидная данность – естественная и потому единственно возможная... Любая локальная цивилизация – не что иное, как модус, выдающий себя за субстанцию. Здесь происходит столкно-

вание с древней и глубоко заложенной априорной установкой» [8, с. 206]. На основании данного положения И. Г. Яковенко и делает вывод об истоках глобального кризиса, замечая, что «деструктивные процессы, цивилизационное “проседание” целых регионов и распад социальных организмов – естественный и неизбежный момент развития человечества». «На самом деле в зонах, “выпадающих” из цивилизационной эволюции, идут позитивные процессы самоуничтожения безнадежно отстающих стадияльно и не вписывающихся в изменяющийся глобальный контекст структур». Когда же процессы самоуничтожения завершаются, то новые структуры неизбежно включаются в мировой процесс («отдельные общества могут и должны погибать, вопреки нашим прогрессистским и гуманистическим иллюзиям» по аналогии с человечеством как субъектом истории) [8, с. 205].

Как результат, мы фиксируем «фрагментацию актуального социального пространства, в котором различие постсовременных субъектов артикулируется по их горизонтальной, по отношению друг к другу, расположенности, т. е. глокальной иерархичности: с одной стороны, через включенность в глобальные потоки (“мир потоков”), а с другой – через исключенность из них же (погруженность в “миры мест”), сегодня осуществляется политика идентификационного поиска». «Мир потоков» и «мир мест» образуют «прочную культурную связь и взаимозависимость». Любое нарушение на локальном уровне неизбежно приводит к последствиям глобального масштаба, не говоря уже об обратной зависимости локальных сообществ от глобальных изменений [6, с. 68].

3. Бауман предполагает, что «глокализация есть процесс новой всемирной стратификации, в ходе которой выстраивается новая, охватывающая весь мир и самовоспроизводящаяся социокультурная иерархия... Можно с полным правом утверждать, – продолжает социолог, – что глокализация есть не только концентрация капитала, финансов и всевозможных ресурсов, дающих свободу выбора и эффективного действия, но и в первую очередь концентрация свободы действий» [цит. по: 2, с. 102–103; см. также 1].

«Слово “глокализация” – это еще и эвфемизм. Оно выводит из поля зрения тот факт, что за пределами единства и зависимости возникают обстоятельства, которые мы не можем назвать, и на которые у нас нет ответа» [2, с. 107].

Кризисность есть онтологическая атрибутивная характеристика человеческого состояния. «Само существование “человека разумного” возможно лишь в состоянии динамического равновесия, т. е. постоянного разбалансирования (как внутри социокультурного целого, так и в системе “человек–природа”) и столь же постоянного восстановления баланса через прогрессивное усложнение социокультурного организма», – утверждает И. Г. Яковенко [8, с. 205]. И. Н. Волкова и Г. А. Приваловская в свою очередь резюмируют, что «разбалансированность» охватила едва ли не все стороны бытия общества: это – растущий разрыв в уровне и качестве жизни между странами так называемого третьего мира и развитыми странами, дисбаланс в ресурсах жизнеобеспечения человечества, наконец, отсутствие идеологии, на основе которой можно мобилизовать мировую общественность на решение всеоб-

ших проблем [3, с. 286]. Выход из кризисного состояния авторы видят в гармонизации взаимодействия общества и природы – концепции устойчивого развития. По поводу характера так называемого кризиса Яковенко замечает, что «говоря о глобальном кризисе, мы, не отдавая себе отчет, впадаем в грех евроцентризма и не только переносим кризисное самоощущение на общемировое целое, но и транслируем на него представления о норме, порядке и гармонии, естественном течении событий, о перспективах человечества, вызревшие в лоне европейской цивилизации» [8, с. 206]. Рассуждения исследователя убедительно показывают: глобализация вовсе не делает крупный кризис европейской цивилизации общемировым, тем более что идея универсальности западной цивилизации как образца и модели для всего человечества иллюзорна.

«Запад утратил статус безусловно доминирующего, а сама западная цивилизация переживает евроцентристские иллюзии и линейно-прогрессистские представления о мировой истории. Можно говорить о «кризисе идентичности цивилизации Запада», а «кризис всякой “локальной цивилизации” переживается ее носителями как космическое событие» [8, с. 207]. Здесь и лежат истоки идеи глобального кризиса. В настоящее время речь идет, как подчеркивает К. М. Кантор, о «кризисе всемирной истории», развившемся на пути превращения локальных цивилизаций в мировую систему [5].

Глокальная реорганизация физического и социального пространства провоцирует генезис «глокалоэтик» и создает условия для формирования «этоса глокального гражданства» на фоне нравственного кризиса современной эпохи. «Глокалоэтика отвечает на вызовы эпохи и демонстрирует энергично глобализирующемуся миру новую этическую матрицу, предполагающую уже не столько компиляцию из разных культурно-антропологических моделей морали (этакий постмодернистский «нравственный паштет»), сколько принципиально инновационную для всей классической этики познавательную перспективу и культурно-идентификационную возможность – состыковку – сосуществование рациональной морали и реальных нравов» [6, с. 70]. «С одной стороны, нельзя исключить, что в результате сформируется «всемирная гражданская солидарность» (Ю. Хабермас). С другой стороны, мировое сообщество не только подчиняет себе выстроенные и контролируемые по национально-государственному принципу общности, но и создает новые связи между внешне разделенными мирами» [2, с. 107].

XX век продемонстрировал очевидность того, что глобальный мир никогда не придет к модернистскому единообразию, но будет сочетать ценности, нормы и правила игры проекта модерна с немодернизированным нравственным многообразием регионов планеты. С позиции У. Бека, настоящее характеризуется новыми гибридными формами «какой-то новой, хотя и не привязанной к обозначенной политическими границами или этническими и традиционными культурными территориями локальности», точнее, «множества разнопорядковых локальностей» [2, с. 289]. На основании данного положения можно сделать вывод о том, что вертикальная иерархия культур (по степени развитости) в скором времени сменится горизонтальной, при условии «мно-

гообразных вариаций переплетения в морали глобального начала и локальных нравственных корней», где глобальное и локальное «партнерски равнозначны и лишены взаимоподчинительных амбиций» [6, с. 72].

Становление *этоса глокального гражданства* – становление подлинной глокальной этики, построенной не на принципах универсальности и формальной рациональности, но на принципах мультикультурности и горизонтальной иерархии постсовременных идентичностей. В настоящее время можно говорить о наступлении новой эпохи всемирной истории. Более того, *человечество находится перед возможностью, в перспективе, создания новой планетарной цивилизации*. Ее признаки – новый гуманизм, радикальный пересмотр традиционных ценностей, новое отношение к природе, перспектива более свободного и справедливого мира.

В условиях глобализации человеческого бытия выявляется тот факт, что многомерность и самобытность бытия людей и вещей имеет не только социальный масштаб. Самобытность людей, существуя как процессность, позволяет удерживать в единстве расслаивающиеся во времени и распадающиеся в пространстве моменты деятельности, опираясь при этом не только на полифоническую сложность социального процесса, но и на антропологическую глубину бытия индивида. Внутренним основанием становления антропогенных отношений в обществе является эмансипация культуры, переход от воспроизведения культурных образцов к культуросозиданию на уровне индивида. В результате индивид возвращается в целостный интегральный мир и в смысле единства его внутренней жизни, и в смысле сопряжения индивида с миром, природой и космосом. Многомерность бытия вещей обуславливается их вписанностью в социальные процессы и простирается в эволюционную и органическую сложность универсума как целого.

Жизнь индивида предстает как впитывание духовного богатства макрокосмоса микрокосмосом, как творческая переработка этого внешнего богатства в недра личности. Так на новом уровне целостности культуры индивид конституируется как монада Вселенной, в которой экзистенциальное через структуры культуры сопрягается с Универсумом. Проницаемость, мгновенность, обратимость информационных, энергетических и духовных связей, от индивида до планетарного логоса, – это и есть глокализация.

Литература

1. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // *Вопр. философии*. – 1993. – № 3. – С. 46–61.
2. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек. – М., 2001. – 304 с.
3. Волкова И. Н. Экоцикл: глобальное и локальное в устойчивом равновесии природы / И. Н. Волкова, Г. А. Приваловская // *Глобальное сообщество: Картография современного мира*. – М., 2002. – С. 286–298.
4. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0 / Д. В. Иванов. – СПб., 2002. – 224 с.
5. Кантор К. М. Дезинтеграционно-интеграционная спираль всемирной истории // *Вопр. философии*. – 1977. – № 3. – С. 31–47.

6. *Согомонов А. Ю.* Глокальность (Очерки социологии пространственного воображения) // Глобализация и постсоветское общество. – М., 2001. – С. 60–79.

7. *Эпштейн М.* Режим доступа: www.russ.ru/kgug/20030421_dar.html

8. *Яковенко И. Г.* Глобальное сообщество и локальное сознание // Глобальное сообщество: Картография современного мира. – М., 2002. – С. 203–209.

Glocalness as the General Form of Reflection of Modern Reality

E. N. Startcev

Glocal, glocalness, glocalization are very rare notions in the Russian language. This article presents glocalness as the general form of reflection of a modern reality and a dialectic ligament of notions of global and local.

Key words: global, glocal, local, globalization, glocalization, location, culture and civilization.

Старцев Евгений Николаевич – иерей Иркутской епархии, соискатель кафедры философии и религиоведения Иркутского государственного университета, e-mail: oestar@mail.ru